

Премьера

В ЧЕРНОЙ-ЧЕРНОЙ КОМНАТЕ

В минувшую пятницу при аншлаге состоялась премьера оперы «Пиковая дама»

«Пиковая дама» – большая опера, она длится свыше трех часов и в практике нередко исполняется с сокращениями. Мы услышали шедевр Чайковского полностью – и трех с лишним часов показалось мало, настолько это было упоительно, живо и прекрасно.

ОДНАЖДЫ
В ПЕТЕРБУРГЕ

Данная постановка представляет собой воссоздание версии народного артиста России Валерия Фокина, осуществленной в Большом театре. Сейчас в Большом идет минималистически-метафорическая «Пиковая» Римана Туминаса, а фокинскую версию можно увидеть на нижегородской сцене. Режиссер возобновления спектакля – режиссер Большого театра Игорь Ушаков.

На премьере были замечены заместитель губернатора Нижегородской области Олег Беркович и министр культуры Нижегородской области Наталья Суханова.

«Пиковая дама» Пушкина – мистический триллер, разворачивающийся в излюбленных русскими экзистенциалистами декорациях. «Санкт-Петербург – полубезумный город!», – утверждал Достоевский. Пушкинский текст наполнен знаками, намеками, знаменами; вслед за этим пошел либреттист, брат Петра Чайковского Модест – практически в каждом действии хоть кто-то из главных действующих лиц да произносит внятно: «Мне страшно!». Атмосфера зловещей загадочности царит и на сцене. Черными лебе-



Необычна сценография премьеры: строгая и стильная.

дьями, обугленными листьями проплывают дамы. Черными призраками толпятся тени в цилиндрах аки пособники злой ведьмы в японском мультфильме.

Художник-постановщик Александр Боровский разделил пространство действия на два яруса ажурным мостом, словно отражающимся в воде, а слева и справа стеснил, ограничив молчаливыми бездушными стражами – массивными колоннами. Это, в общем, и есть основные декорации, а вот привычной нижегородцам бутафории минимум. Даже в игорном доме нет ни бокалов с шампанским, ни карточного стола, на который порой, под аханье публики, запрыгивает раздухарившийся Герман. Нет и пестрых исторических костюмов. Цветовое решение

необычно: в репертуаре нижегородской Оперы появился еще один черно-белый спектакль с решительным преобладанием черного. Новая «Пиковая дама» оперирует силуэтами и ахроматикой. Ее язык – не буйная сочная живопись, а стильная строгая графика, напоминающая порой о театре теней. Как это у А.Н. Толстого, «Пляшут тени на стене...». Впрочем, при необходимости включается и цветность: солнечное золото на прибытие императрицы, густая зелень сукна игорных столов и прочее.

А БЫЛ ЛИ ГЕРМАН?

Непривычным получился Герман Ивана Гьнгазова. Расчетливый пушкинский немчик уступил место мятущемуся интеллигенту. Даже внеш-

не герой Гьнгазова – не плотный, на все пуговицы застегнутый германец с военной выправкой, но высокий, худощавый, в висящей мешком одежде, чуть нескладный русоволосый юноша. На протяжении спектакля выстраивался соответствующий ассоциативный ряд. Вот Герман, аки Раскольников, в накинута на исподнее шинели, приступает к старухе, убивая ее. Со свечой в руках, босиком и в нижнем белье, уверовавший в три карты, целенаправленно шагает по ночному Петербургу, словно поэт Бездомный. Впрочем, явление последнее Германа, в игорном доме – он бос, не одет, но настроен на викторию и увенчан треуголкой – уже попахивает сходством с Наполеонами, которыми полнятся, как говорят, скорбные дома. Неудивительно, что, когда артисты выходили на поклон, публика приветствовала Ивана Гьнгазова, словно рок-звезду, неистовыми воплями.

В пару к такому Герману просится соответствующая Лиза – уже не «оперная», но драматическая актриса. Екатерина Ясинская прекрасно играла, великолепно звучала и наверняка в тандеме с Иваном Гьнгазовым еще заставит публику рыдать.

Оригинальной оказалась трактовка образа Графини в исполнении молодой меццо-сопрано Наталии Лясковой, в данной партии очевидно наследовавшей Елене Образцовой.

Тонко, с большим количеством ранее не слышанных нижегородским зрителем нюансов, была исполнена партия Томского недавно пришедшим в труппу театра Константином Сучковым.

Особого упоминания заслуживает Тигрий Бажакин, исполнивший партию князя Елецкого. Дело в том, что Пушкин мало того, что «не позволял» большинству героинь своих произведений найти счастье в любви – он еще и посмеивался над «счастливыми мужьями». Подтверждением тому, в частности Греммин из «Евгения Онегина» и собственно Елецкий, сходно отраженные в музыке Чайковского. Греммин, не имеющий возможности вести полноценную супружескую жизнь, долго и мажорно сообщает о своем счастье с Татьяной. Елецкий, лишь помолвленный (и, в итоге, также остающийся ни с чем), долго и мажорно хвалится своим жениховством. Такую, занятую роль молодой артист подал аккуратно и с разумной долей иронии.

Как нет ничего лишнего на сцене, так не было ничего лишнего и в музыке – только то, что написал Чайковский, без «трактовок» и «авторского видения». Дирижер-постановщик Дмитрий Синьковский заставил оркестр полностью слиться с происходящим на сцене и тем самым создал гармоничный космос шедевра.

– Мы гордимся прделанной работой и уверены, что зрители заинтересуются этим стильным, величественным и одновременно лаконичным исполнением бессмертной русской классики и смогут найти в нем ответы на вопросы, созвучные сегодняшнему дню, – говорит о премьере художественный руководитель театра Алексей Трифонов.

Следующий показ оперы состоится 14 октября, на открытии фестиваля «Болдинская осень».

12+

Вернисаж

В Нижегородском государственном художественном музее (НГХМ Искусство XX века, пл. Минина и Пожарского, 2/2) проходит выставка «Лежит груша – нельзя скушать», приуроченная к полувековому юбилею театрально-декорационного отделения Нижегородского театрального училища имени Е.А. Евстигнеева.

История бутафории началась одновременно с историей театра как такового. Условный театральный мир наполнен «поддельными» рукотворными предметами. Все эти поразительные воображение сказочные яства и напитки, оружие, башни и сады, мантисы и лохмотья, накладные носы, в конце концов – всё это бутафория.

Чтобы создать предметный мир театра, нужно серьезно учиться, многое знать и уметь.

ГРУША – КАК ЖИВАЯ...

– Сегодня наше училище – практически единственное в России, кроме, может быть, московского, где готовят мастеров-декораторов и бутафоров, – рассказала корреспонденту «НН» завотделением Эльвира Котова. – Театрально-декорационное отделение открылось у нас в 1972 году по инициативе Татьяны Цыганковой в помощь для оформления спектаклей актерского отделения. Ну и, естественно, требовались специалисты в театры. Сегодня наши выпускники работают практически во всех театрах России.

Во главе отделения встала Раиса Сутормина – архитектор по образованию, театральный художник с большим опытом. В качестве педагогов традиционно приглашаются незаурядные, большие мастера:

Оганес Мазманян, Владимир Потанин, Евгений Юсов, Владимир Фуфачев, Константин Пьянов... У меня преподавали Полина Осначук и Феликс Шерман, работавшие с Наравцевичем.

– Кого вы берете учиться? На какие умения обращаете внимание?

– Смотрим навыки по рисунку и живописи. Рисунок и скульптура помогают развивать чувство цвета и формы, без них, естественно, никуда. Если проводить параллель с развитием театра от системы Станиславского, то нынешний театр от него отличается очень резко. Но обучение актера по сей день без системы Станиславского не обходится. Так и у нас: рисунок, живопись, скульптура – основа всей работы.

Рисунок и живопись у нас – не профилирующие предметы, так что детям придется работать не только кисточкой и карандашом, но и на деревообрабатывающих станках.

Впрочем, среди наших выпускников есть и очень хорошие художники, занимающиеся традиционной живописью.

– Чем же театральный художник отличается от «просто художника»?

– Магией игры! Расцвет бутафории – очень качественной подделки – пришелся на эпоху барокко: семнадцатый век, денег нет, а выглядеть пышно и устраивать празднества очень хочется. Фильм «Ватель» смотрели бутафорские груши. До того груши настоящие (смеется).

В сценическом пространстве, в театральном све-

те вещи выглядят и воспринимаются иначе. И поэтому люстра из целлофана выглядит более убедительно, чем хрустальная, а расписная марля и мешковина на сцене смотрятся лучше натуральных парчи и бархатов.

– Есть ли у художников-бутафоров свой Король Лир? Вещь мечты, сделать которую считается круто?

– «Круто» для бутафора – это сделать хорошо. На нашей выставке есть три пистолета Вани Кременецкого. Ювелирная работа! Это – круто.

Круто было, когда один из курсов на диплом сделал костюмы, декорации, посуду, всё-всё – для постановки «Аленького цветочка» выпускниками драматического отделения. Круто, когда есть фантазия и мастерство; фантазию мы не ограничиваем, а мастерству учим.

Выставка работает до 30 сентября. 0+